

рознь на почве земельного довольствия казаков и нехватки земли у крестьян нарастала. Но Мордовцев справедливо указал также на тяжесть воинского уклада для самих казаков, на несоответствие его материальным интересам значительной части казачества, на тяжесть труда казачки как следствия отвлечения на службу значительной части казаков. Следствием этого был низкий уровень хозяйства, слабая доходность промыслов. Отсюда он делал вывод, что «казачество, как известная стадия исторического хода общества, представляется одною из вымирающих форм жизни», и вообще, «чем скорее завершится полное вымирание, тем лучше» [2, с. 31].

Таким образом, помимо природы, истории и культуры Дона, Д.Л. Мордовцев указывал на некоторые существенные проблемы внутренней жизни Дона. То же самое показывал А.Г. Киркор при описаниях Белорусского Полесья и Витебской губернии. В жизни обширного края происходили перемены, при устойчивости, как он подчеркивал, традиционных основ быта разных этнокультурных слоев населения. «Белорусс, – подчеркивал он, – любит суровую жизнь, жизнь полудикую, как природа, его окружающая. Есть деревни, в коих нет пахотной земли, одни огороды. Жители их исключительно заняты заготовлением лесных материалов, постройкой барок и байдаков» [1, с. 283]. Живые следы старины сохранял белорусский фольклор. В нем, подчеркивал А. Г. Киркор, «главное содержание, и, большею частью, даже самые выражения несомненно относятся ко временам язычества» [1, с. 251]. В качестве особенности внутренней жизни в Витебской губернии и по всему Белорусскому Полесью А. Г. Киркор показал значительное польское влияние. «В Белоруссии дворянское сословие состоит большею частью из туземцев, но с течением веков и политических событий усвоивших польский язык и польскую национальность» [1, с. 284], – указывал он, и не случайно поэтому в Витебске во время пребывания Наполеона дворянство «всецело предалось ему» [1, с. 311]. Вместе с тем он показал, насколько решительно стремились русские власти покончить с культурно-историческими особенностями в белорусских губерниях после Польского восстания 1830–1831 гг. и проводить русификацию. В 1831 г. были упразднены особенности самоуправления, присутственным местам и должностным лицам присваивались общерусские наименования, а суд стал вестись на русском языке.

К важнейшим особенностям современной жизни А. Г. Киркор отнес контраст между развивавшимся под воздействием пореформенной модернизации Витебском и Полоцком как своего рода музеем раннесредневековой Руси. По его словам, «Витебск постепенно улучшается», растет население, развивается торговля благодаря положению «между Москвою, Ригою и Одесою» [1, с. 386]. В Полоцке же «самый наружный вид города, ясно говорит, что это только остатки древнего величия и славы» [1, с. 393].

Таким образом, читатель получал общие сведения о стране и об отдельных ее территориях. В этой связи название серии – «Живописная Россия» – представляется удачным не только благодаря наличию в ней многочисленных иллюстраций в виде живописи, посвященной разным сторонам, настоящего и прошлого, жизни и быта этих территорий, но и благодаря живому и совершенно ясному языку, что видно из очерков Д. Л. Мордовцева и А. Г. Киркора. Известно, однако, что создателем популярного текста, который, в частности, представляет собой вся «Живописная Россия», является не только автор, но и читатель, на которого она рассчитана. Поэтому «Живописная Россия» также источник, позволяющий представить культурный уровень и потребность читателя пореформенной России в знаниях о стране.

1. Живописная Россия. – СПб. : Изд. товарищества М.О.Вольф, 1882. Т.3. – 410; V с.: ил.
2. Живописная Россия. – СПб. : Изд. товарищества М. О. Вольф, 1899. Т. 7. Ч. 2. – 304; III с.: ил.
3. Машбиц, Я. Г. Основы страноведения / Я. Г. Машбиц. – М. : Просвещение, 1999. – 267 с.

Воробьев В.М.

ВЕРХНЕЕ ПОДВИНЬЕ В КНИГЕ А.П. САПУНОВА «РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА»

В авторском предисловии к своей знаменитой книге А.П. Сапунов замечает, что в ней «главное, а иногда и исключительное внимание... обращалось на Витебскую губернию; другие губернии, по которым протекает Двина, стоят на втором плане» [1, с. II].

Затрагивая тему волоков на летописном «пути из варяг в греки», автор завершает краткий обзор упоминанием «перевала» протяжённостью 30 вёрст с Серёжи (правый приток Куньи, бассейн Ловати) на Торопу (правый приток Западной Двины) [1, с. 11–12].

Идентифицируя названия рек Восточной Европы, упоминаемых античными и средневековыми авторами, А.П. Сапунов замечает, что река Западная Двина, по его мнению, фигурирует в древних текстах под именами Эридан, Рудон и Рубон, обозначающими её верхнее и среднее течения, а под названием Херзин или Хезин скрыто её нижнее течение.

Викинги называли её Дина. «Это имя, – пишет А.П. Сапунов, – она носит у туземцев, живущих и на верховьях этой реки; притом это имя встречается на первых же страницах нашей летописи. В самых верхних частях бассейна Двины мы находим оз. и дер. Двинец, пог. Двин, озеро Двинье-Велинское, р. Двинку» [1, с. 27].

В главе II – «Истоки и притоки Западной Двины» – содержится наиболее развёрнутый материал по её верховьям. Источниками послужили для автора ряд описаний и карт, наиболее ценными из которых стали «Чертёж и описание, 1701 года, декабря 11, učinённое стольником Максимом Цызыревым, начав от Витебска вверх до вершин Двины реки, с показанием сёл, деревень, лесов и судов, по одной реке ходящих» (опубл. в: Витебские губернские ведомости. 1888), «Гидрография Российской империи. Т. 1–6» И. Штукенберга (СПб., 1844), изданная на немецком языке и до сих пор не переведённая на русский, «Географическо-статистический словарь Российской империи» П.П. Семёнова (СПб., 1863–1885) и статья Д.Н. Анучина «Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги» (Северный вестник. 1891. № 8).

М. Цызырев писал: «Река Двина вышла во Ржевском у., ото Ржевы в 120 в., прозванием из Заковицкого лесу и впала в озеро Афоту (Охват)». У Штукенберга об этом сказано так: «Точнее говоря, началом её (Двины) служит, собственно, маленький, не более 1 в. длиною, ручеек при дер. Корякино, высачивающийся в густом лесу из мохового болота, которое, вероятно, некогда было озером». А.П. Сапунов: «Точнее всего истоки Двины описаны в указанной выше статье проф. Д.Н. Анучина» [1, с. XI].

По существовавшей тогда в географической науке традиции, А. П. Сапунов рассматривал Валдайскую возвышенность как часть Среднерусской возвышенности. В настоящее время она считается самостоятельным рельефным поднятием, переходящим на юге в Смоленско-Московскую возвышенность.

Относительно истока Западной Двины А.П. Сапунов обозначает три точки зрения. Он пишет, что прежде за него принимали оз. Охват (Жаденье), ныне в науке принято считать истоком лежащее выше него по течению оз. Двинец, а народ «полагает его в шести верстах выше, в болотах, тянущихся по направлению к дер. Гришиной» [1, с. 30].

Положение истока не было чётко зафиксировано в науке до середины 1970-х гг., когда экспедиция журнала «Турист» под руководством А.С. Попова научно установила его местоположение в болоте Пьянишник и установила соответствующий знак [2]. В 1989 г. его посетила международная комплексная экспедиция «Западная Двина – Даугава» в составе российских, белорусских и латвийских учёных. Автор данного доклада был её научным руководителем. В 1994 г. российские учёные провели экспедицию на истоки Волги, Днепра и Западной Двины в ознаменование 100-летия их научного открытия академиком Д.Н. Анучиным, сняли документальный фильм. Ныне место истока Западной Двины и тропа к нему оборудованы для посещения туристами.

А.П. Сапунов кратко, но ёмко описывает ландшафт и гидрографию самого района истока и проточного на Двине оз. Охват. Озеро имеет в средней части узость, ниже которой называется жителями Жаденье. Автор указывает, что общее направление всего течения Двины – с востока на запад, но в верхнем течении она образует большую дугу, обращённую к югу, а затем поворачивает на юго-запад.

А.П. Сапунов перечисляет губернии и уезды, по территории которых протекает Двина, фиксирует с точностью до версты участки её прохождения между устьями важнейших притоков, городами и местечками, вплоть до впадения в Рижский залив Балтийского моря, определяя совокупную протяжённость реки в 915 вёрст [1, с. 31–33].

Есть объективная необходимость согласовать позиции географов, историков, археологов и представителей других наук о границах Верхнего, Среднего и Нижнего Подвинья, может быть,

несколько условных, но всё же имеющих определённые географические и логические основания.

Тверские археологи и историки традиционно считают границей Верхнего и Среднего Подвинья устье Межи, где также смыкаются административные границы Тверской, Смоленской и Псковской областей. В этом они солидарны с взглядами видного ленинградского археолога Я. В. Станкевич, которая провела здесь детальные и результативные разведки в 1949–1953 гг. [3].

Смоленский археолог профессор Е.А. Шмидт в монографии «Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура» (Смоленск, 2003) пишет: «...примерная граница рассматриваемой территории... проходит от верховий реки Великой на восток через верховья реки Ловать в Западную Двину выше устья р. Межи до верхнего течения Днепра» [4]. Но при таком подходе собственно Верхнее Подвинье оказывается за пределами... Верхнего Подвинья.

Петербургский археолог И.И. Еремеев в кандидатской диссертации «Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н.э.» (СПб., 2002) проводит границу Верхнего и Среднего Подвинья в районе устьев Лужеснянки и Лучесы, то есть ниже устья Межи, не аргументируя свою точку зрения [5].

В тексте книги «Река Западная Двина» А.П. Сапунов не обозначает этот географический рубеж, но, полагая расположение Витебской губернии в центральной части течения Западной Двины и делая содержательный акцент на этой территории, пишет о северо-восточной границе губернии у с. Баёво. Таким образом, он проводит рубеж между Верхним и Средним Подвиньем именно здесь, по устью Велесы, совмещая его с границами Витебской, Смоленской и Псковской губерний.

В содержании нашего доклада отражена позиция А.П. Сапунова по этому вопросу, обозначенная в его книге. Но, как сказано выше, она требует обсуждения специалистами разных научных дисциплин.

А.П. Сапунов называет 44 правых притока Западной Двины, приводя краткое описание каждого из них и его бассейна. Наибольший объём этой части текста посвящён Волкоте, Торопе, Усвяче, Оболи, Полоте, Дриссе, Дубне. Лишь первая из них, по мнению автора книги, относится к Верхнему Подвинью. В Западную Двину впадают также 39 левых притоков, в том числе несколько крупных: Велеса, Межа, Каспля, Лучеса, Улла, Ушача, Дисна. К Верхнему Подвинью относятся лишь небольшие левые притоки главной реки: Горянка, Нечесма (Нетесьма) и Рожанка, а устье Велесы обозначает собою рубеж Верхнего и Среднего Подвинья.

В главе III – «Каналы и проекты каналов между Западной Двиной и системами других рек» – описывается в числе прочих проект соединения Двины с Волгой. А.П. Сапунов замечает, что вопрос о соединении этих двух рек был поставлен императором Александром I в 1824 г., и созданная комиссия «признала большую важность, которая могла бы произойти для стратегических комбинаций из непрерывного судоходства между бассейном Волги и реками, находящимися в западной части государства» [1, с. 104].

А.П. Сапунов проявляет осведомлённость о деятельности инженера Волкова, командированного в эту местность. Он скрупулёзно и точно описывает гидрографическую ситуацию в районе оз. Витбино на волжском склоне и противолежащего ему на двинском (балтийском) склоне левобережья р. Волкота, несущей в Западную Двину воды десятков озёр.

Автор сообщает, что Волков исследовал и другой вариант соединения Волги и Западной Двины. В районе озёр Орлино и Соблаго на волжском склоне и озера Двинец на двинском склоне Волга и Западная Двина «сближаются здесь своими руслами не далее 20 вёрст. Собственно раздельным пунктом... служит небольшое болото между озёрами Двинец и Соблаго» [1, с. 105]. Но запасов воды в этих озёрах недостаточно для питания водного сообщения.

А вот большое озеро Охват-Жаденье, проточное на Двине, если запрудить его, даст необходимый результат. Но прорытие канала между этим озером и побережьем Жукопы на волжском склоне очень затруднено наличием огромного верхового болота на балтийско-каспийском водоразделе. Впрочем, болото можно обойти, придерживаясь русла идущей параллельно Жукопе речки Платищенки, а затем выйти с неё небольшим каналом почти к устью Жукопы.

Далее А.П. Сапунов приводит практические расчёты инженера Волкова по судоходству в верхнем течении Западной Двины (глубина реки и необходимость углубления русла; объём и высота подпора воды в канале и в водохранилище на водоразделе; число барок, направляемых караванами за одну навигацию) и одобряет их.

Он говорит о малопригодности русла в верхнем течении Двины в его современном виде для судоходства, хорошо понимает большие технические трудности реализации данного проекта, но приводит в его пользу три существенных аргумента: 1) «данная навигационная линия сделала бы диверсию на Ригу»; 2) «расстояние по Двине от Твери до Риги почти наполовину менее, чем расстояние до того же пункта чрез С.-Петербург... Рижская гавань скорее освобождается от льда, нежели гавань Кронштадтская»; 3) «посредством же предлагаемого канала устраняются многие из сухопутных транспортов» [1, с. 111].

В этой части текста книги встречается оборот «Верхняя Двина до Баёва» [1, с. 109]. Это подтверждает предположение, что А.П. Сапунов считал нижней границей Верхнего Подвинья устье Велесы у с. Баёво.

В главе IV – «Геологический очерк берегов Западной Двины» – очень профессионально описано геологическое строение всего бассейна и отдельных участков течения Западной Двины, особенно в пределах Витебской губернии, о Верхнем Подвинье упомянуто мельком.

В главе V – «Пороги, мели, острова и камни в русле Западной Двины; очищение русла её» – Верхнему Подвинью уделяется мало внимания по причине отсутствия здесь активного практического судоходства. А.П. Сапунов пишет: «Двина считается судоходною в весеннее время от с. Дубны, верстах в 10 от оз. Охват-Жаденье; отсюда же начинаются и разного рода препятствия для судоходства. Выше и ниже этого села находятся порожики Вережунские /здесь автор ошибается: Вережунские пороги находятся примерно в 70 км ниже по течению, близ протоки из оз. Вережуни в Западную Двину. Но выше с. Дубно (ныне г. Андреаполь), после выхода реки из оз. Охват, действительно, есть небольшие безымянные порожики у д. Курово. – В.В./ . Высокие и довольно крутые берега то отступают назад, то подаются вперёд, образуя маленькие бухты, препятствующие сплаву. Далее, вёрст почти на 100 ниже, особенных препятствий для судоходства в весеннее время не встречается» [1, с. 150].

Автор отмечает также, что Вережунские порожики были известны стольнику Цызыреву, который по повелению Петра Великого в 1701 г. «учинил чертёж и описание Двины» от истока до Полоцка: «От оз. Афоты (Охват) до села Дубны по Двине мели великие, и от села Дубны вниз мели есть же. И от того села Дубны рекою Двиною в полу ю большую воду возможно стругами итить».

Книга А.П. Сапунова «Река Западная Двина» знаменовала собой новый этап в изучении великой реки, являющейся в течение веков и даже тысячелетий общей судьбой нескольких народов. Именно с неё начались и продолжают плодотворные исследования бассейна Западной Двины в географическом, экологическом, экономическом, историческом, лингвистическом и социокультурном отношениях.

На наш взгляд, необходимо возобновить деятельность международной комплексной программы «Западная Двина – Даугава» с участием Российской Федерации, Республики Беларусь и Латвийской Республики и сделать её научным и административным центром город Витебск.

1. Сапунов, А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. — 640 с.
2. Попов, А. С. Загадка Янтарной реки : Краевед. путешествие на исток Зап. Двины / А. С. Попов. – М. : Профиздат, 1989. – 252 с.
3. Станкевич, Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. / Я. В. Станкевич // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1960. – № 76. – С. 7–327.
4. Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 295 с.
5. Еремеев, И. И. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / И. И. Еремеев. – СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 2002. – 22 с.

Первушкин В.И.
РОЛЬ ГУБЕРНСКИХ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ
В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Вторая четверть XIX в. в истории России являлась неким инкубационным периодом для проведения реформ, правительство проводило «починку некоторых учреждений, которые её настоятельно требовали» [1, с. 160] и настоятельно нуждалось в объективной информации о состоянии отдельных регионов. Поэтому и был осуществлен переход от эпизодического сбора региональных